

Рефлексивные местоимения в муиринском языке даргинской группы

И. В. Калякин

Институт языкознания РАН (Москва, Россия); kalyakin.iv@gmail.com;

ORCID: 0009-0002-8809-8913

Аннотация. В статье описывается система рефлексивных местоимений в муиринском языке, относящемся к даргинской группе восточнокавказской (или нахско-дагестанской) языковой семьи. На основе данных элицитации рассматриваются как формальные, так и функциональные свойства местоимений, которые традиционно относят к классу рефлексивов. Особое внимание уделяется сложному рефлексивному местоимению, которое характеризуется требованием локального антецедента и отсутствием ориентации, мотивированной структурными асимметриями.

Ключевые слова: восточнокавказские языки, рефлексивные местоимения, интенсификаторы, анафóры, субъектная ориентация.

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФФ № 22-28-01648 «Вариативность в дискурсе и словаре: исследование близкородственных языков цифровыми методами».

Reflexive pronouns in Muira Dargwa

Ivan V. Kalyakin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

kalyakin.iv@gmail.com; ORCID: 0009-0002-8809-8913

Abstract. The study investigates the formal aspects of reflexive pronouns in Muira Dargwa and addresses their distribution within different syntactic domains, also discussing available mechanisms of their interpretation. The data for this study were collected through fieldwork in the village of Kalkni (Dakhadayevsky District, Republic of Dagestan, Russia) in June-July 2021.

Muira Dargwa differentiates between two pronouns traditionally classified as reflexives: a simple reflexive and a complex reflexive. The simple reflexive *saj* represents the bare reflexive stem inflected for case and number, with absolutive forms also distinguishing gender. The complex reflexive *sunni saj* consists of two occurrences of the simple reflexive pronoun: the first component either takes the case of the antecedent or stands in the genitive, whereas the second component bears the case of the reflexivized argument. It is noteworthy that the linear order of the components is not strictly fixed: they can change places and admit various constituents in between, which makes them appear rather as different entities than parts of one compound or constituent.

In Muira Dargwa the simple reflexive pronoun can refer to its antecedents either locally or distantly. It can also function in numerous non-reflexive contexts as a logophoric pronoun, a resumptive pronoun, an intensifier and a pause filler. The complex reflexive is strictly local and, in most cases, lacks orientation motivated by structural asymmetries. That is why the reflexive is in the ergative subject position, whereas the antecedent is in the absolutive direct object position apparently c-commanded by the subject. In some cases of semantic binding, however, the indicated symmetry disappears, and the complex reflexive can no longer be used in the subject position and must be c-commanded by its antecedent. Further extensive work is needed to account for the behavior of the complex reflexives in Muira Dargwa.

Keywords: Northeast Caucasian languages, reflexive pronouns, intensifiers, anaphors, subject orientation.

Acknowledgements. The research was supported by RSF (project № 22-28-01648 “Variation in the discourse and lexicon: an investigation of closely related languages with digital methods”).

1. Введение

Муиринский язык¹ — это язык более чем 20 сёл Дахадаевского и Кайтагского районов Дагестана, принадлежащий нахско-дагестанской языковой семье, северно-центральной даргинской группе [Коряков

¹ Следует отметить, что вслед за [Коряков, 2021] мы рассматриваем различные даргинские идиомы, традиционно считающиеся диалектами единого даргинского языка, как самостоятельные языки.

2021] и по состоянию на 2010 год насчитывающий примерно 38 000 носителей в пределах традиционной территории. Как и прочие нахско-дагестанские языки, муиринский является агглютинативным языком, который характеризуется эргативным морфосинтаксисом и относительно свободным порядком слов (предпочтительным, однако, является SOV).

На данный момент не имеется полноценной описательной грамматики муиринского языка. Некоторые особенности фонетики и морфологии обозначены в [Гасанова 1971], вопросы синтаксиса в данной работе не затрагиваются. В ряде других даргинских языков рефлексивные местоимения исследовались, однако не все описания характеризуются полнотой, см. [Sumbatova, Mutalov 2003] для ицаринского; [Сумбатова, Ландер 2014] и [Sumbatova 2016] для тантынского; [Daniel et. al 2019] для мегебского и [Forker 2020] для санжинского; отдельные сведения для акушинского и чирагского представлены в [Ganenkov, Bogomolova 2020].

Данная работа ставит своей целью обозначить некоторые формальные и функциональные особенности местоимений в муиринском языке, функциональные аналоги которых в других нахско-дагестанских языках традиционно относятся к классу рефлексивов. Помимо этого, мы попытаемся сопоставить некоторые свойства рефлексивов в муиринском и ряде других даргинских идиомов. При написании текста работы использовался языковой материал, собранный с помощью метода элицитации в ходе лингвистической экспедиции в селение Калкни (Дахадаевский район, Республика Дагестан, Россия) в июне — июле 2021 года.

Изложение организовано следующим образом. В *Разделе 2* дается краткая характеристика классической теории связывания и явления рефлексивизации. В *Разделе 3* приводится инвентарь анафорических средств, использующихся в контексте рефлексивизации. *Раздел 4* посвящен употреблению простого рефлексивного местоимения, в том числе и не рефлексивным. В *Разделе 5* исследуется дистрибуция сложного рефлексивного местоимения. Наконец, в *Разделе 6* представляются выводы, а также предпринимается попытка распределения форм рассматриваемых местоимений в зависимости от позиции в предложении.

2. Явление рефлексивизации

Рефлексивные (возвратные) местоимения, или просто рефлексивы, представляют собой такие местоимения, «которые могут употребляться анафорически и хотя бы в части таких употреблений требуют обязательного наличия антецедента, во-первых, грамматически приоритетного (например, подлежащего), и, во-вторых, находящегося в составе той же синтаксической единицы (например, предложения), в которую входит само местоимение» [Тестелец, Толдова, 1998: 35]. Прототипически рефлексивные местоимения используются для указания на кореферентность несубъектного аргумента глагола реальному субъекту в простой предикации с двумя участниками, в которой один участник является одушевленным агенсом или экспериенцером, а другой — пациенсом или, соответственно, стимулом [Faltz, 1977; König, Siemund, 2000]:

(1) *Петя_i увидел себя_i в зеркале.*

Одним из наиболее известных и влиятельных подходов к изучению допустимых соотношений между референциально зависимыми выражениями и их антецедентами можно считать классическую теорию связывания, изложенную в [Chomsky 1981]. В рамках данной теории дистрибуция анафорических элементов регулируется двумя основными принципами:

Принцип А. Анафóр связан в своей локальной области².

Принцип В. Прономинал свободен в своей локальной области.

² Анафорами обычно являются возвратные и взаимные местоимения. К классу прономиналов относятся личные местоимения и в некоторых случаях указательные местоимения.

Связывание и структурный приоритет традиционно определяются следующим образом:

- (i) α связывает β тогда и только тогда, когда α и β помечены одинаковым референциальным индексом и α обладает структурным приоритетом по отношению к β [Chomsky 1981: 184];
- (ii) α обладает по отношению к β структурным приоритетом тогда и только тогда, когда α не доминирует над β и любая составляющая γ , доминирующая над α , доминирует над β [Reinhart 1983: 18].

Многими исследователями, однако, отмечалось, что данная теория не покрывает всю дистрибуцию анафорических местоимений, а также делает ряд неверных предсказаний (см., например, [Reinhart, Reuland 1993; Truswell 2014]). Несмотря на это, в рамках данной работы мы будем ориентироваться на вышеизложенные принципы, поскольку они позволяют обозначить базовые синтаксические свойства рефлексивных местоимений, опираясь на которые в дальнейшем становится возможно провести более полное исследование.

3. Морфологическая структура муиринских рефлексивных местоимений

Муиринский язык, как и прочие нахско-дагестанские языки, не реализует глагольную стратегию рефлексивизации, ограничиваясь лишь использованием рефлексивных местоимений, которые по своей структуре могут быть как простыми, так и сложными.

Простой рефлексив *saj* в абсолютиве омонимичен идентифицирующей связке, однако рефлексив, в отличие от связки, не лишен акцентной самостоятельности и, следовательно, не является клитикой. Вполне вероятно, что данные единицы связаны диахронически³.

Данное местоимение изменяется по категориям падежа, числа, а также именного класса (изменение по последней категории возможно лишь в абсолютиве). Косвенные падежные формы единственного числа и множественного числа образуются от супплетивных основ *sun-* и *či-* соответственно. Примечательно, что генитив единственного числа имеет сразу две равноправные формы: *sun-na* и *sun-i-la*. Обе формы образуются от косвенной основы, однако если в первом случае показатель генитива присоединяется непосредственно к основе *sun-* (*l* переходит в *n* в результате прогрессивной ассимиляции), в случае *sun-i-la* суффиксу предшествует показатель

³ На это указывает также последовательное совпадение форм рефлексива и связки в ряде других даргинских языков.

косвенной основы *-i*. Таким образом, словоизменительная парадигма простого рефлексивного местоимения имеет следующий вид:

Таблица 1. Словоизменительная парадигма простого местоимения

Table 1. The paradigm of the bare pronoun

	SG			PL		
	M	N	F	H	N	1/2
ABS	<i>saj</i>	<i>sai</i>	<i>sa<r>i</i>	<i>sai</i>	<i>sa<d>i</i>	<i>sa<d>i</i>
ERG	<i>sun-ni</i>			<i>ču-li</i>		
GEN	<i>sun-na / sun-i-la</i>			<i>ču-la</i>		
DAT	<i>sun-i-s</i>			<i>ču-li-s</i>		
COMIT	<i>sun-i-čuli</i>			<i>ču-čuli</i>		
CONT	<i>sun-i-čilla</i>			<i>ču-čilla</i>		

Сложный рефлексив *sunni saj* состоит из двух компонентов: первый оформляется падежом антецедента, в то время как второй управляется предикатом. В данном отношении муиринский сложный рефлексив оказывается довольно интересен с типологической точки зрения, поскольку языки, в которых рефлексивы и интенсификаторы формально не различаются, обычно не характеризуются наличием так называемой двойной рефлексивизации (ср., например, недопустимость усиления значения рефлексива интенсификатором в английском языке, в котором имеет место совпадение форм данных единиц, и наличие сложных рефлексивных местоимений *сам себя* и *самого себя* в русском языке, который характеризуется отсутствием омонимии форм рефлексива и интенсификатора) [König, Siemund, 2000].

Помимо этого, необходимо отдельно обозначить форму *sunna saj*, представляющую собой, по-видимому, грамматикализованный интенсификатор, первый элемент которого всегда оформляется генитивом, а второй копирует падеж модифицируемой ИГ:

- (2) *Rasul sun-na saj ʔa^sħ<w>Ø-ib*
 P. SELF-GEN SELF.M <M>быть.хорошим-AOR
 ‘Расул выздоровел сам по себе’.

Наконец, важно отметить, что в муиринском, как и в ряде других нахско-дагестанских языков, во всех типах рефлексивных конструкций для обоих анафорических местоимений в качестве антецедента может выступать исключительно референт третьего лица. В контекстах рефлексивизации первого и второго лица используются соответствующие личные местоимения, см. (3) и (4). Исключением можно считать лишь случаи логофорического употребления простого местоимения, о которых пойдет речь в *Разделе 4*. Рефлексивные употребления местоимений первого и второго лица в дальнейшем обсуждаться не будут.

(3) *ni-ni ni či<w>i-w-r=ra*
я-ERG я <M>видеть-PRS-CONV=1SG
'Я вижу себя'.

(4) *ħu-ni ħu či<w>i-w-r=ri*
ты-ERG ты <M>видеть-PRS-CONV=2SG
'Ты видишь себя'.

4. Простое рефлексивное местоимение

4.1. Локальные контексты

Простое рефлексивное местоимение *saj* может употребляться в контексте локальной рефлексивизации лишь в том случае, если антецедент обладает по отношению к местоимению структурным приоритетом. Так, в примерах (5) и (6) рефлексив в позиции прямого дополнения может связываться ИГ-подлежащим в эргативе или дативе⁴.

⁴ Многие тесты, традиционно используемые для определения подлежащего, в нахско-дагестанских языках либо оказываются неприменимы, либо не дают результата. Тем не менее можно утверждать, что подлежащим является именно эргативный / дативный аргумент, поскольку именно он, например, может

Соответственно, в подобных контекстах местоимение *saj* подчиняется принципу А классической теории связывания.

- (5) a. *Rasul-li_i saj_{i|j} gap<w>arq'-ib*
 P.-ERG SELF.M <M>похвалить-AOR
 ‘Расул_i похвалил себя_i // его_j’.
- b. *Rasul_i sun-ni_{j/*i} gap<w>arq'-ib*
 P. SELF-ERG <M>похвалить-AOR
 ‘Он_{j/*i} похвалил Расула_i’.
- (6) a. *Murad-li-s_i saj_{i|j} w-ik:-u-li saj*
 M.-OBL-DAT SELF.M M-любить-PRES-CONV COP.M
 ‘Мурад_i любит себя_i // его_j’.
- b. *Murad_i sun-i-s_{j/*i} w-ik:-u-li saj*
 M. SELF-OBL-DAT M-любить-PRS-CONV COP.M
 ‘Он_{j/*i} любит Мурада_i’.

Субъектной ориентацией, однако, данный анафорический элемент не характеризуется. В качестве антецедента может выступать любая ИГ, занимающая более приоритетную структурную позицию:

- (7) *Rasul-li_i Murad-li-c:i_j saj_{i|j|k} surrat-li-c:i-w*
 P.-ERG M.-OBL-INTER SELF.M картина-OBL-INTER-ESS[M]
či<w>ajq-ib
 <M>показать-AOR
 ‘Расул_i показал Мураду_j себя_i // его_{j|k} на фотографии’.

Несмотря на наличие потенциального антецедента в локальной области, во всех приведенных выше примерах *saj* может ассоциироваться и с экстралингвистическим антецедентом. В примерах (5b) и (6b) местоимение, занимая позицию подлежащего и, соответственно, вовсе не имея потенциального командующего

контролировать референцию PRO или заменяться на PRO в инфинитивном обороте. Более того, диагностичным оказывается и поведение простого рефлексивного местоимения в контексте локальной рефлексивизации.

антецедента, функционирует скорее как прономинал, а не рефлексив, поскольку референция устанавливается независимо от других ИГ и, более того, в подобной конфигурации принцип А не может быть не нарушен.

Наконец, следует отметить, что в контексте локальной рефлексивизации имеет место эффект порядка слов: катафора признается неграмматичной, ср. (5а) и (8).

- (8) *saj_j/ *_i Rasul-li_i gap<w>arq'-ib*
 SELF.M P.-ERG <M>похвалить-AOR
 'Расул_i похвалил *себя_i // его_j'.

4.2. Дистантные контексты

Вне зависимости от способа оформления сентенциального актанта простое рефлексивное местоимение может употребляться в качестве дистантного рефлексива, ассоциируясь с ИГ за пределами минимальной клаузы, см. (9) с инфинитивным оборотом и (10) с зависимой финитной клаузой. По-прежнему оказывается допустима интерпретация без лингвистического антецедента. Линейный порядок, в свою очередь, на дистрибуцию дистантного рефлексива ограничений не накладывает (соответственно, зависимая клауза может предшествовать главной).

- (9) *Pat'imat-li_i Murad-li-c:i_j [PRO_j sun-i-s_{i/j/k}*
 П.-ERG M.-OBL-INTER SELF-OBL-DAT
čaj kaq'iq-ara] tilediarq'-ib⁵
 чай налить-INF <N>попросить-AOR
 'Патимат_i попросила Мурада_j налить себе_{i/j} // ему_k чаю'.

- (10) *Murad_i w-ač'-ib [senk'un Rasul-li_j*
 M. M-прийти-AOR COMP Rasul-ERG

⁵ Здесь и далее: квадратные скобки указывают на границы локальной области рефлексивного местоимения.

sun-i-c:i_{i/j/k} w-at'-ib]
 SELF-OBL-INTER М-позвать-AOR

‘Мурад_i пришел, потому что Расул_j позвал себя_j // его_{i/k}’.

В отличие от некоторых других нахско-дагестанских языков (например, табасаранского [Ganenkov, Bogomolova 2020]), в контексте дистантной рефлексивизации местоимение может связываться не только подлежащим матричной клаузы:

(11) *Pat'imat-li_i aba-c:i_j [PRO_i sun-i-s_{i/j/k}*
 П.-ERG мать-INTER SELF-OBL-DAT

k:urt:i asiq-ara] b-urh-ib
 платье купить-INF N-рассказать-AOR

‘Патимат_i пообещала матери_j купить себе_i // ей_{j/k} платье’.

4.3. Посессивная рефлексивизация

К области посессивной рефлексивизации относятся все те контексты, в которых рефлексивное местоимение модифицирует некоторую ИГ и маркируется генитивом. В муиринском языке в качестве посессивного рефлексива может употребляться исключительно простое местоимение *saj*:

(12) *Pat'imat_i sun-na_{i/j} aba-čilla pikri<r>uq-un*
 П. SELF-GEN мать-CONT <F>заботиться-AOR

‘Патимат заботилась о своей_i // ее_j матери’.

(13) *Rasul-li_i Murad-li-s_j sun-na_{i/j} dis b-ič:-ib*
 P.-ERG М.-OBL-DAT SELF-GEN нож N-падать-AOR

‘Расул_i отдал Мураду_j свой_i // его_{j/k} нож’.

Сложный рефлексив не допускает подобного употребления несмотря даже на то, что один из его компонентов может оформляться необходимым падежом. Так, в примере (14) единственной доступной интерпретацией является такая, при которой первое вхождение

saj интерпретируется как простое посессивное рефлексивное местоимение, а второе — как интенсификатор, ассоциирующийся с подлежащим.

- (14) *Rasul-li Murad-li-s sun-ni sun-na dis*
 P.-ERG M.-OBL-DAT SELF-ERG SELF-GEN нож

b-ič'-ib

N-падать-AOR

(i) ОК 'Сам Расул_i отдал Мураду_j свой_i // его_{j/k} нож'.

(ii) * 'Расул_i отдал Мураду_j свой_i // его_j собственный нож'.

4.4. Логофорическое местоимение

Дистантный рефлексив *saj* допускает употребление и в качестве логофорического местоимения (или логофора). Логофорическим называется такое местоимение, которое располагается в зависимой клаузе и используется для указания на кореферентность подлежащему матричной клаузы, возглавляемой предикатом речи или мысли [Sells 1987].

- (15) *Murad-li_i Rasul-li-c:_i at'-ib [sun-ni_i/*_j]*
 M.-ERG P.-OBL-INTER сказать-AOR SELF-ERG
bic' či∅-ab(=ra) w-ik'-u-li]
 волк <N>увидеть-AOR(=1SG) M-говорить-PRS-CONV

'Мурад_i сказал Расулу_j, что в лесу он_i/*_j видел волка'.

Важно заметить, что в (15) возглавлять придаточное предложение может форма глагола не только третьего, но и первого лица. В [Nichols 2001] подобные контексты в чеченском и ингушском называются «полу-прямой речью». Под «полу-прямой речью» понимаются такие случаи логофорической рефлексивизации, в которых «цитируемый материал соответствует несобственно-прямой речи, за исключением того, что все ИГ, кореферентные говорящему, рефлексивизируются, а зависимая клауза маркируется посредством цитативного показателя» [Nichols 2001: 259] (в муиринском его роль

играет полуграмматикализованное простое деепричастие презенса *w-ik'-u-li* (М-говорить-PRS-CONV) 'говоря', допускающее согласование по классу).

Помимо вполне привычных логофоров, которые обязательно связываются в пределах предложения, в языках мира также выделяются и так называемые дискурсивные логофоры, которые допускают употребление без лингвистического антецедента в том случае, если логофорический центр был введен в дискурс ранее. В [Creissels 2007], где анализируется материал ахвахского языка, такие логофорические местоимения предлагается считать «нелокальными логофорами». Муиринский язык, по всей видимости, также характеризуется наличием подобных единиц:

- (16) *hani d-arq'-ara b-alh-i sun-ni, har*
 всё NPL-сделать-INF N-знать-TH SELF-ERG каждый
si-k'aj-c:i-r d-irq'-i čut:u čut-ni
 что-INDEF-INTER-EL NPL-делать-TH чуду чуду-PL

‘Всё умела готовить она, из чего угодно готовила чуду-чудушки’.

В (16) логофор оказывается не связан и, более того, на протяжении всего текста логофорический центр не задается эксплицитно. В данном примере рассказчица делится рецептом чуду, известным ей со слов бабушки, к которой и отсылает логофор. Более подробное обсуждение таких употреблений, однако, выходит далеко за рамки настоящей работы (см. [Ганенков и др. 2009; Creissels 2007]).

Как уже отмечалось в *Разделе 3*, местоимение первого лица может быть антецедентом логофорического местоимения (однако допустимым по-прежнему остается употребление личного местоимения):

- (17) *nu-ni_i [{{saj_i / nu_i}} q'an-ib=ra*
 я-ERG SELF.M I опоздать[M]-AOR-CONV=1SG
w-ik'-u-li at'-ib=ra
 М-говорить-PRS-CONV сказать-AOR=1SG

‘Я_i сказал, что я_i опоздал’.

4.5. Нерефлексивные употребления

Наиболее частым нерефлексивным употреблением рефлексивных местоимений в нахско-дагестанских языках можно считать их употребление в качестве интенсификаторов, т. е. в таких контекстах, в которых местоимение модифицирует полную ИГ или демонстративное местоимение с целью выражения фокуса и всегда маркируется тем же падежом, что и модифицируемая составляющая.

Как и, например, в цахурском языке [Толдова 1999], в муиринском интенсификатор способен выражать такие значения, как добавляющее, контрастивное, самостоятельное, неожиданное и дискурсивное (выделены в [Кибрик, Богданова 1995]). Ограничимся лишь двумя примерами: в (18) *saj* выражает контрастивное значение, а в (19) — неожиданное.

- (18) *Murad_i uruχ-ib-li* [pro_i (*sunna*)
 M. испугаться[M]-AOR-CONV SELF-GEN
sun-ni hani b-urh-ib]
 SELF-ERG всё N-рассказать-AOR

‘Мурад испугался и сам всё рассказал’.

- (19) (*sunna*) *saj Rasul χink'-i d-irq'-uj*
 SELF-GEN SELF.M P. хинкал-PL NPL-делать-AOR.CVB

‘Сам Расул варит хинкал!’

Во всех случаях употребления интенсификатора к нему факультативно может добавляться второе вхождение местоимения *saj*, которое обязательно должно быть маркировано генитивом.

Помимо употребления в качестве интенсификатора, простое местоимение может выступать в определительных конструкциях в роли резумптивного местоимения, связанного вершиной релятивизуемой ИГ:

- (20) [**(sun-ni=ra_i) Bashir gap<w>arq'-ib-il*] *darħa_i*
 SELF-ERG=ADD Б. <M>похвалить-AOR-ATR мальчик

‘Мальчик, который похвалил Башира’.

- (21) [(*sun-i-s*)_i *nu-ni* *arc* *d-ič̣:-ib-il*] *admi*_i
 SELF-OBL-DAT я-ERG деньги NPL-падать-AOR-ATR мужчина
 ‘Мужчина, которому я дал деньги’.

Как известно, во многих нахско-дагестанских языках релятивизация возможна и без использования резумптивного местоимения (см., например, [Daniel et al. 2019: 289]). В данном отношении муиринский не является исключением. Единственным контекстом, в котором информанты указывали на обязательность употребления резумптива, является контекст релятивизации подлежащего эргативной конструкции, см. (20).

Наконец, следует также указать, что простой рефлексив допускает употребление в качестве маркера хезитации (pause filler). Как и, например, в санжинском [Forker 2020: 105] или ицаринском [Sumbatova, Mitalov 2003: 187], в данной функции употребляется исключительно форма генитива единственного числа:

- (22) а. *nuša* *gapka*<*d*>*ik'-u-li* *d-irh^w-a-s-a*,
 мы <HPL>хвастаться-PRS-CONV HPL-становиться-HAB-1-PL
ič̣tilatka<*d*>*ik'-u-li*, *caħna*<*d*>*ič̣-ib=ħili*
 <HPL>разговаривать-PRS-CONV <HPL>собираться=когда
 ‘Мы всегда хвастались и шутили, когда собирались’.
- б. *ʔur* *hani-lla* *ič̣tilat* *sun-na*
 затем все-GEN разговор SELF-GEN
 ‘Потом все шутили <...>’.

Таким образом, несмотря на то, что местоимения типа *saj* в дагестанских языках традиционно описываются как возвратные, их функции оказываются значительно шире, чем функции рефлексивов в языках «среднеевропейского стандарта» (см. обсуждение в [Тестелец, Толдова 1998]). В данном разделе было показано, что, подобно его аналогам в ряде других нахско-дагестанских языков, простой рефлексив характеризуется одновременно свойствами анафора и прономинала, а также может выступать в качестве не только локального, но и дистантного рефлексивного местоимения. Более того, данный анафорический элемент может функционировать как логофорическое

местоимение и употребляться в нереклексивных контекстах в качестве интенсификатора, резумптивного местоимения или маркера хезитации.

5. Сложное рефлексивное местоимение

5.1. Отсутствие грамматических асимметрий?

В отличие от простого рефлексива *saj*, сложный рефлексив *sunni saj* употребляется исключительно в рефлексивных контекстах. Данный анафорический элемент характеризуется последовательной локальностью и, соответственно, не может ассоциироваться с ИГ, находящейся за пределами локальной области:

- (23) *Pat'imat-li_i Murad-li-c:i_j [pro_j {sun-ni*
 П.-ERG М.-OBL-INTER SELF-ERG
*sun-i-s_j/*i/*k čaj kaq'iq-ara] tilediarq'-ib*
 SELF-OBL-DAT чай налить-INF <N>попросить-AOR
 'Патимат_i попросила Мурада_j налить себе_j/*i // *ему_k чаю'.

Данный факт вполне ожидаем с типологической точки зрения. В ряде работ (см., например, [Тестелец, Толдова 1998; Reuland 2011]) указывалось, что в тех языках, в которых наличествуют дистантные и локальные рефлексивные местоимения, вторые обычно характеризуются большей морфологической сложностью и образуются на базе первых (ср. *сам* ~ *сам себя*, *самого себя*), причем выделяется две основные модели образования: редупликация и присоединение интенсификатора. В [Лютикова 2002], впрочем, отмечается, что редупликация используется лишь в тех языках, в которых имеет место омонимия форм интенсификатора и простого рефлексива, вследствие чего в обоих случаях сложный рефлексив может быть представлен как сочетание дистантного рефлексива и интенсификатора.

Однако между сложным и простым рефлексивами наблюдаются и сходства. Например, *sunni saj* также не характеризуется субъектной ориентацией:

- (24) *Rasul-li Murad_i {sun-i-ču saj}_i uč-ib*
 P.-ERG M. SELF-OBL-AD SELF.M взять[M]-AOR
 ‘Расул повел Мурада_i к нему_i самому’.

Помимо этого, имеет место и эффект порядка слов. Несмотря на то, что суждения информантов несколько разнятся, предложения с катафорой в общем случае расцениваются как менее приемлемые, нежели предложения с анафорой:

- (25) *?{sun-ni saj}_i Rasul-li gap<w>arq'-ib*
 SELF-ERG SELF.M P.-ERG <M>похвалить-AOR
 ‘Расул_i похвалил самого себя_i’.

Одной из наиболее интересных особенностей, выделяющей муиринский сложный рефлексив на фоне его аналогов в прочих даргинских (и, шире, нахско-дагестанских) языках, является крайне низкая степень грамматикализованности данного анафорического элемента. На данный факт указывает то, что компоненты сложного рефлексива могут отделяться друг от друга различными составляющими:

- (26) *Pat'imat-li_i sa<r>i_i imc'a-li sun-ni_i*
 П.-ERG <F>SELF дополнительный-ADV SELF-ERG
uruχ<r>irq'-u
 <F>пугать-PRS
 ‘Патимат_i часто пугает саму себя_i’.
- (27) *Rasul-li_i sun-ni_i ʔaʔh<w>arq'-ib saj_i*
 P.-ERG SELF-ERG <M>вылечить-AOR SELF.M
 ‘Расул_i вылечил самого себя_i’.

Более того, как явствует из примера (26), порядок компонентов не фиксирован (в данном случае абсолютив предшествует эргативу). В ряде других родственных языков (например, акушинском [Ganepkov, Vogotolova 2020]) единственным допустимым порядком компонентов является такой, при котором компонент, маркированный падежом более приоритетной ИГ, располагается слева. Однако если в рефлексивной конструкции задействован абсолютивный аргумент, то вне зависимости от грамматической функции данного аргумента

(подлежащее или прямое дополнение) абсолютивом всегда оформляется второй компонент рефлексива. Важно, впрочем, заметить, что в муиринском языке немаркированными следует считать такие случаи употребления сложного рефлексива, которые также подчиняются данным принципам, см. (23)–(25) и примеры ниже.

Обозначенные факты, как представляется, могут указывать на то, что компоненты сложного рефлексива как минимум на некотором этапе деривации не зависят друг от друга и, соответственно, не образуют составляющую. То, что они изначально занимают различные позиции в синтаксической структуре, может подтверждаться также и наличием у каждого из компонентов собственного падежного показателя.

Таким образом, можно предложить анализ сложного рефлексивного местоимения, близкий к работам [Heim et al. 1991a, 1991b], в которых анализируется английское реципрокальное местоимение *each other*. Авторы предполагают, что в предложениях типа (28) на уровне логической формы (Logical Form) «маркер дистрибуции» *each* адьюнгируется к ИГ-антецеденту, оставляя след *e* в исходной позиции.

(28) $[_{NP} [_{NP} \textit{the men}]_1 \textit{each}]_2 [_{VP} \textit{saw} [_{NP} e_2 \textit{other}]_3]$ [Heim et al. 1991a: 66]

В случае же *sunni saj* можно предположить, что интенсифицирующий компонент и ИГ, падеж которой он копирует, на некотором этапе деривации образуют одну составляющую. Именно тогда им и приписывается общий падеж.

Если же в структуре предложения имеется простое местоимение *saj*, которое получает падеж независимо от других ИГ, и более приоритетное сочетание полной ИГ и интенсификатора, то местоимение оказывается кореферентно данной составляющей (например, может быть задействован механизм «коррекции ожиданий» [Лютикова 2002]). В подобной конфигурации сочетание местоимения и интенсификатора, соответственно, следует анализировать как сложное рефлексивное местоимение, поскольку вместе они, обеспечивая кореферентность двух ИГ, характеризуются особыми анафорическими свойствами.

Данный анализ, однако, сталкивается с целым рядом трудностей теоретического и эмпирического характера. Не затрагивая

различные проблемы, связанные с формализацией, обозначим лишь одну конструкцию, рассмотрение которой в данном контексте является, на наш взгляд, наиболее значимым.

Во многих нахско-дагестанских языках засвидетельствована неканоническая рефлексивная конструкция, в которой рефлексивное местоимение, по-видимому, занимает более приоритетную синтаксическую позицию. В муиринском языке в такой конструкции допустимо употребление лишь сложного рефлексива. Рассмотрим пары примеров. В (29a) представлена стандартная конфигурация, в которой antecedent обладает по отношению к рефлексиву структурным приоритетом; пример (29b) оказывается зеркален: местоимение, стоящее в эргативе, командует antecedentом, которому приписывается абсолютив в позиции прямого дополнения. Аналогичная ситуация наблюдается и в аффективной конструкции, ср. (30a) и (30b)⁶.

- (29) a. *Rasul-li_i {sun-ni saj_{i/ *j}} gap<w>arq'-ib*
 P.-ERG SELF-ERG SELF.M <M>похвалить-AOR
- b. *Rasul_i {sun-ni saj_{i/ *j}} gap<w>arq'-ib*
 P. SELF-ERG SELF.M <M>похвалить-AOR
 (a=b) 'Расул_i похвалил себя_i // *его_j самого'.
- (30) a. *Murad-li-s_i {saj sun-i-s_{i/ *j}} w-ik:-u-li*
 M.-OBL-DAT SELF.M SELF-OBL-DAT M-любить-PRS-CONV
saj
 COP.M
- b. *Murad_i {saj sun-i-s_{i/ *j}} w-ik:-u-li*
 M. SELF.M SELF-OBL-DAT M-любить-PRS-CONV
saj
 COP.M
 (a=b) 'Мурад_i любит себя_i // *его_j самого'.

⁶ В аффективной конструкции аргумент с семантической ролью экспериенцера маркируется дативом, а второй аргумент, которому приписывается роль стимула, оказывается в абсолютиве. На данный момент в муиринском языке зафиксирован лишь один аффективный предикат — 'любить'.

Несмотря на распространенность в нахско-дагестанских языках, данная конструкция, как представляется, крайне необычна с типологической точки зрения. Она также не укладывается в рамки тех теорий грамматической анафоры, в которых существует запрет на расположение рефлексивов в позиции подлежащего, см., например, принцип А классической теории связывания или подход к связыванию, предложенный Э. Ройландом и Т. Рейнхарт [Reinhart, Reuland 1993].

Более того, подобные примеры позволили ряду исследователей (см. [Толдова 1999; Лютикова 2001; Kibrik 1997; Forker 2014]) прийти к выводу о том, что в нахско-дагестанских языках, во-первых, при связывании анафорических местоимений не играют роли какие-либо структурные асимметрии между аргументами предиката и, во-вторых, отсутствуют существенные различия между подлежащим и прочими аргументами. Несмотря на то, что подобное заключение представляется нам довольно радикальным, в рамках данной работы мы не готовы предложить альтернативный анализ и вынуждены признать, что данный вопрос заслуживает гораздо более глубокого исследования.

На данный момент ограничимся лишь указанием на контексты, в которых антецедент должен обладать по отношению к рефлексивному местоимению структурным приоритетом. В первую очередь к ним относятся все непереходные предикации, в которых антецедент обязательно должен занимать позицию подлежащего:

- (31) a. *Rasul_i* {*sun-i-čuli* *saj*}_i
 P. SELF-OBL-COMIT SELF.M

kaĵkaĵk'-u-li *saj*
 говорить-PRS-CONV COP.M

- b. **Rasul-li-čuli_i* {*sun-i-čuli* *saj*}_i
 P.-OBL-COMIT SELF-OBL-COMIT SELF.M

kaĵkaĵk'-u-li *saj*
 говорить-PRS-CONV COP.M

(a=b) 'Расул_i говорит о самом себе_i'.

О втором, более важном, типе контекстов, в которых задействован механизм семантического связывания, пойдет речь в следующем разделе.

5.2. Данные семантического связывания

В литературе по формальной семантике и теории связывания обычно выделяется два основных типа анафорических отношений: кореферентность и семантическое связывание. Кореферентность представляет собой случай простого совпадения референтов у местоимения и его антецедента. Связыванием же называется осуществляемая на семантико-синтаксическом интерфейсе операция, которая позволяет интерпретировать анафорическое местоимение как переменную (в математическом смысле), связанную антецедентом-оператором, не имеющим какого-либо конкретного референта.

Важно отметить, что семантическое связывание, в отличие от кореферентности, подчиняется довольно жестким требованиям структурного характера. Так, традиционно считается, что для установления подобных отношений антецедент обязательно должен обладать по отношению к местоимению структурным приоритетом (см., однако, [Barker 2012]). Именно по этой причине для нас важны контексты, в которых сложный рефлексив интерпретируется посредством семантического связывания.

Для того чтобы определить, может ли некоторый анафорический элемент функционировать в качестве связанной переменной, существует три основных теста:

- a. кванторная ИГ-антецедент;
- b. эллипсис глагольной группы;
- c. фокусные конструкции.

Рассмотрим особенности функционирования сложного рефлексива в каждом отдельном случае.

В случае, если антецедентом сложного рефлексива является кванторная ИГ, симметрия ядерных аргументов переходной предикации, отмечавшаяся в предыдущем разделе, более не имеет места. В таких

контекстах, как и в случае с простым местоимением *saj*, antecedent обязательно должен командовать анафóром:

- (32) a. *har adimi-li_i {sun-ni saj}_i gap<w>arq'-ib*
 каждый человек-ERG SELF-ERG SELF.M <M>похвалить-AOR
- b. **har adimi_i {sun-ni saj}_i gap<w>arq'-ib*
 каждый человек SELF-ERG SELF.M <M>похвалить-AOR
 (a=b) 'Каждый человек_i похвалил себя_i'.

- (33) a. *har w-išt'a-gaj-s_i {sun-i-s saj}_i*
 каждый M-маленький-ADJ.OBL-DAT SELF-OBL-DAT SELF.M
w-ič:iq-u
 M-любить-PRS
- b. **har w-išt'a-gan_i {sun-i-s saj}_i*
 каждый M-маленький-ADJ SELF-OBL-DAT SELF.M
w-ič:iq-u
 M-любить-PRS
 (a=b) 'Каждый ребенок_i любит себя_i'.

Любопытно, что при прочих операторах, лицензирующих семантическое связывание, симметрия ядерных аргументов сохраняется. Так, если antecedentом является вопросительная группа, то использование неканонической рефлексивной конструкции не приводит к неграмматичности:

- (34) a. *či-li_i {sun-ni saj}_i gap<w>arq'-ib=a*
 кто-ERG SELF-ERG SELF.M <M>похвалить-AOR=CQ
- b. *ča_i {sun-ni saj}_i gap<w>arq'-ib=a*
 кто SELF-ERG SELF.M <M>похвалить-AOR=CQ
 (a=b) 'Кто_i похвалил себя_i?'
- (35) a. *či-s-k'al_i {sun-i-s saj}_i ħa^ε-jč:iq-u*
 кто-DAT-INDEF SELF-OBL-DAT SELF.M NEG-любить[M]-PRS
- b. *??ča-k'al_i {sun-i-s saj}_i ħa^ε-jč:iq-u*
 кто-INDEF SELF-OBL-DAT SELF.M NEG-любить[M]-PRS
 (a=b) 'Никто_i не любит себя_i'.

Можно, однако, предположить, что в предложении (34) передвижение вопросительной группы оказывается факультативно, поскольку оператор вопроса связан скорее с вопросительной клитикой.

В контекстах так называемого эллипсиса глагольной группы рефлексив может занимать более приоритетную позицию по отношению к антецеденту:

- (36) a. *Rasul-li_i {sun-ni saj}_i w-iq-a^εb Musa-li_j=ra*
 P.-ERG SELF-ERG SELF.M M-поранить-AOR M.-ERG=ADD
 ‘Расул_i поранил себя_i, и Муса_j тоже’:
 Параллельная идентичность: ⟨...⟩ поранил себя_j — ОК
 Строгая кореферентность: ⟨...⟩ поранил Расула_i — ОК
- b. *Rasul_i {sun-ni saj}_i w-iq-a^εb Musa_j=ra*
 P. SELF-ERG SELF.M M-поранить-AOR M.=ADD
 ‘Расул_i поранил себя_i, и Мусу_j тоже’.

Более того, местоимение, по-видимому, допускает интерпретацию посредством как семантического связывания, так и кореферентности, см. (36a). Вследствие этого возможна неоднозначность интерпретации: параллельная идентичность (*sloppy identity*) и строгая кореферентность (*strict coreference*). В первом случае элидированный материал может несколько отличаться от своего антецедента (в частности, анафорическое местоимение может выступать в роли переменной, меняя свою референцию). В случае же строгой кореферентности элидированный материал полностью идентичен антецеденту.

Необходимо, впрочем, заметить, что эллипсис глагольной группы в нахско-дагестанских языках изучен недостаточно, из-за чего крайне трудно определить объем элидируемого материала. Вполне возможно, что в подобных конструкциях нулевую фонетическую реализацию получает не вся глагольная группа, но лишь ее вершина, что позволяет постулировать нулевое анафорическое местоимение (*pro*), характеризующееся широкими интерпретационными возможностями.

Наконец, что касается контекстов фокусного выделения, то в их случае рефлексив ведет себя так же, как и при эллипсисе глагольной

группы, то есть неканоническая рефлексивная конструкция остается допустимой, а местоимение может интерпретироваться посредством связывания или кореферентности:

- (37) a. *Rasul-li_i-gina* {*sun-ni* *saj*}_i *gap*<*w*>*arq'-ib*
 P.-ERG=only SELF-ERG SELF.M <M>похвалить-AOR

‘Только Расул_i похвалил себя_i’:

Параллельная идентичность: Никто другой_j не похвалил себя_j — ОК

Строгая кореферентность: Никто другой_j не похвалил Расула_i — ОК

- b. *Rasul_i=gina* {*sun-ni* *saj*}_i *gap*<*w*>*arq'-ib*
 P:=only SELF-ERG SELF.M <M>похвалить-AOR

‘Только Расул_i похвалил себя_i’.

Параллельная идентичность: Никто другой_j не похвалил себя_j — ОК

Строгая кореферентность: Никто другой_j не похвалил Расула_i — ОК

Таким образом, приведенные выше примеры демонстрируют, что основные тесты на семантическое связывание дают довольно противоречивые результаты, из-за чего на данном этапе оказывается затруднительно сделать какие-либо обобщения. Можно, однако, отметить два основных факта. Во-первых, при семантическом связывании — хоть и не во всех случаях — отмечавшаяся в предыдущем разделе симметрия ядерных аргументов исчезает, а сложное рефлексивное местоимение начинает подчиняться достаточно строгим структурным ограничениям. Во-вторых, сложный рефлексив *sunni saj*, по-видимому, допускает интерпретацию как посредством простой кореферентности, так и с помощью механизма семантического связывания. В связи с этим интересно отметить, что, вопреки [Руднев 2011: 186; Kiparsky 2012: 99], в контексте локальной рефлексивизации анафоры не всегда интерпретируются как связанная переменная (данный вопрос, однако, требует более глубокого изучения).

6. Заключение

В данной работе были обозначены некоторые формальные и функциональные характеристики муиринских рефлексивных местоимений. На настоящий момент можно заключить, что местоимения *saj* и *sunni saj* в целом соответствуют своим аналогам в ряде других нахско-дагестанских языков. Так, простое рефлексивное местоимение *saj* характеризуется крайне широкой дистрибуцией и возможностью употребляться в целом ряде нерексивных контекстов. Более того, данное местоимение едва ли можно с полной уверенностью отнести к классу анафоров, поскольку в ряде контекстов оно скорее характеризуется свойствами прономинала.

Сложный рефлексив, употребляясь исключительно в локальном контексте, может использоваться в неканонической рефлексивной конструкции, в которой антецедент занимает менее приоритетную синтаксическую и семантическую позицию, нежели анафор. Помимо этого, в некоторых контекстах семантического связывания сложный рефлексив допускает интерпретацию посредством механизма кореферентности.

Имеются, однако, и некоторые отличия. Характерной особенностью муиринского сложного рефлексива можно считать крайне низкую степень его грамматикализованности, вследствие чего компоненты данного анафора могут отделяться друг от друга различными составляющими, а порядок их следования вне зависимости от падежных характеристик оказывается не фиксирован.

В завершение мы, опираясь на полученные данные, предпринимаем попытку распределить формы муиринских рефлексивных местоимений на универсальной иерархии позиций рефлексива, предложенной в [Тестелец, Толдова 1998]⁷:

⁷ В иерархии представлены допустимые позиции для рефлексива, начиная с наиболее локальных и заканчивая позициями, характерными для дистантных рефлексивов (прямое дополнение при двухместном глаголе > прямое дополнение при дитранзитивном глаголе > актантная ИГ, сопредикатная с подлежащим

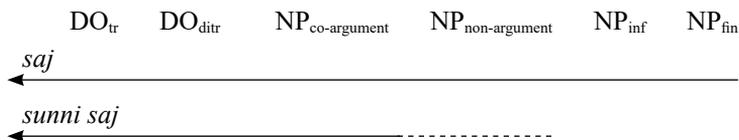

Рис. 1. Муиринские рефлексивы на универсальной иерархии позиций рефлексива [Тестелец, Толдова 1998]

Fig. 1. Muira reflexives on the hierarchy of binding domains [Testelelets, Toldova 1998]

Данная иерархия позволяет делать относительно надежные предсказания касательно дистрибуции рефлексивных местоимений в языках мира. Наиболее важное эмпирическое обобщение состоит в том, что набор позиций, которые способен занимать рефлексив, может быть представлен на иерархии исключительно непрерывным отрезком. Помимо этого, отмечается наличие корреляции между морфологической сложностью и размером локальной области. Так, сложные рефлексивы обычно характеризуются большей локальностью и, соответственно, не могут располагаться на иерархии правее более морфологически простых местоимений. Как можно видеть на *Рис. 1*, для муиринских рефлексивных местоимений указанные предсказания оказываются верны.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; AD — локализация ‘область, типично ассоциируемая с объектом’; ADD — аддитивная частица; ADJ — прилагательное; ADV — наречие; AOR — аорист; ATR — атрибутивный показатель; COP — идентифицирующая связка; COMIT — комитатив; COMP — комплементатор; CONT — контентив; CONV — простое деепричастие; CQ — частный вопрос; DAT — датив; ERG — эргатив; ESS — эссив; F — женский класс; GEN — генитив;

> неактантная ИГ, сопредикатная с подлежащим > ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию > ИГ, входящая в финитную зависимую предикацию). Отсутствие стрелки справа означает, что данное местоимение употребляется не только в позициях рефлексива, но и как прономинал. Пунктирная линия указывает на то, что употребление местоимения в данной позиции затруднено.

Н — личный класс; HPL — личный множественный класс; INDEF — неопределенное местоимение; INF — инфинитив; INTER — локализация ‘внутри’; M — мужской класс; N — неличный класс; NPL — неличный множественный класс; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRS — презенс; SELF — основа рефлексива; SG — единственное число; TH — тематический элемент.

Литература

- Ганенков и др. 2009 — Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Дискурсивная анафора в агульском языке. М.: Институт языкознания РАН, 2009. URL: http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Ganenkov_et al.pdf (дата обращения 24.02.2022)
- Гасанова 1971 — С. М. Гасанова. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: Дагестанский филиал Академии наук СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1971.
- Кибрик, Богданова 1995 — А. Е. Кибрик, Е. А. Богданова. *Сам* как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28–47.
- Коряков 2021 — Ю. Б. Коряков. Даргинские языки и их классификация // Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец (ред.). Дурхъси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова. М.: Буки Веди, 2021. С. 139–154.
- Лютикова 2001 — Е. А. Лютикова. Анафорические средства // А. Е. Кибрик (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М.: Наследие, 2001. С. 615–681.
- Лютикова 2002 — Е. А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Руднев 2011 — П. В. Руднев. Рефлексивы в дагестанских языках и природа анафорических отношений // Acta Linguistica Petropolitana. 2011. Т. VII. Ч. 3. С. 184–188.
- Сумбатова, Ландер 2014 — Н. Р. Сумбатова, Ю. А. Ландер. Даргинский говор селения Танта: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Тестелец, Толдова 1998 — Я. Г. Тестелец, С. Ю. Толдова. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 35–57.
- Толдова 1999 — С. Ю. Толдова. Местоименные средства поддержания референции // А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 629–674.

- Barker 2012 — C. Barker. Quantificational Binding Does Not Require C-Command // *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43. № 4. P. 614–633. DOI: 10.1162/ling_a_00108.
- Chomsky 1981 — N. Chomsky. *Lectures on Government and Binding*. (Studies in Generative Grammar 9). Dordrecht: Foris, 1981. DOI: 10.1515/9783110884166.
- Creissels 2007 — D. Creissels. Intensifiers, Reflexivity and Logophoricity in Axax-dərə Akhvakh. Paper presented at the Conference on the Languages of the Caucasus, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, December 07–09, 2007.
- Daniel et al. 2019 — M. Daniel, N. Dobrushina, D. Ganenkov (eds.). *The Mehweb Language: Essays on Phonology, Morphology and Syntax*. (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press, 2019. DOI: 10.5281/zenodo.3374730.
- Faltz 1977 — L. Faltz. *Reflexivization: A Study in Universal Syntax*. Doctoral dissertation. Berkley: University of California, 1977.
- Forker 2014 — D. Forker. Are there subject anaphors? // *Linguistic Typology*. 2014. Vol. 18. № 1. P. 51–81. DOI: 10.1515/lingty-2014-0003.
- Forker 2020 — D. Forker. *A Grammar of Sanzhi Dargwa*. (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press, 2020. DOI: 10.5281/zenodo.3339225.
- Ganenkov, Bogomolova 2020 — D. Ganenkov, N. Bogomolova. Binding and Indexicality in the Caucasus. // M. Polinsky (ed.). *The Oxford Handbook of Languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 873–907. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190690694.013.27.
- Heim et al. 1991a — I. Heim, H. Lasnik, R. May. Reciprocity and Plurality // *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. № 1. P. 63–101.
- Heim et al. 1991b — I. Heim, H. Lasnik, R. May. On “Reciprocal Scope” // *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. № 1. P. 173–192.
- Kibrik 1997 — A. Kibrik. Beyond Subject and Object: Toward a Comprehensive Relational Typology // *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. № 3. P. 279–346. DOI: 10.1515/lity.1997.1.3.279.
- Kiparsky 2012 — P. Kiparsky. Greek Anaphora in Cross-Linguistic Perspective // *Journal of Greek Linguistics*. 2012. Vol. 12. № 1. P. 84–117. DOI: 10.1163/156658412X649977.
- König, Siemund 2000 — E. König, P. Siemund. Intensifiers and reflexives: A typological perspective // Z. Frajzyngier, T. Curl (eds.). *Reflexives. Forms and Functions*. (Typological Studies in Language 40). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2000. P. 41–74. DOI: 10.1075/tsl.40.03kon.
- Nichols 2001 — J. Nichols. Long-distance Reflexivization in Chechen and Ingush // P. Cole, G. Hermon, C.-T. J. Huang (eds.). *Long Distance Reflexives*. (Syntax and Semantics 33). San Diego, CA: Academic Press, 2001. P. 255–278. DOI: 10.1108/S0092-4563(2000)0000033010.

- Reinhart, Reuland 1993 — T. Reinhart, E. Reuland. Reflexivity // *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 657–720.
- Reuland 2011 — E. Reuland. *Anaphora and Language Design*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2011.
- Sells 1987 — P. Sells. Aspects of Logophoricity // *Linguistic Inquiry*. 1987. Vol. 18. P. 445–479.
- Sumbatova, Mutalov 2000 — N. Sumbatova, R. Mutalov. *A Grammar of Icarí Dargwa*. München: Lincom Europa, 2000.
- Sumbatova 2016 — N. Sumbatova. Reflexive Pronouns in Tanti Dargwa. Presentation at Workshop on Nakh-Daghestanian languages, University of Bamberg. Bamberg. 2016. April 15–16.
- Truswell 2014 — R. Truswell. Binding Theory // A. Carnie, Y. Sato, D. Siddiqi (eds.). *The Routledge Handbook of Syntax*. London: Routledge, 2014. P. 232–256. DOI: 10.4324/9781315796604.ch11.

References

- Barker 2012 — C. Barker. Quantificational Binding Does Not Require C-Command. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43. No. 4. P. 614–633. DOI: 10.1162/ling_a_00108.
- Chomsky 1981 — N. Chomsky. *Lectures on Government and Binding*. (Studies in Generative Grammar 9). Dordrecht: Foris, 1981. DOI: 10.1515/9783110884166.
- Creissels 2007 — D. Creissels. *Intensifiers, Reflexivity and Logophoricity in Axax-dərə Akhvakh*. Paper presented at the Conference on the Languages of the Caucasus, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, December 07–09, 2007.
- Daniel et al. 2019 — M. Daniel, N. Dobrushina, D. Ganenkov (eds.). *The Mehweb Language: Essays on Phonology, Morphology and Syntax*. (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press, 2019. DOI: 10.5281/zenodo.3374730.
- Faltz 1977 — L. Faltz. *Reflexivization: A Study in Universal Syntax*. Doctoral dissertation. Berkeley: University of California, 1977.
- Forker 2014 — D. Forker. Are There Subject Anaphors? // *Linguistic Typology*. 2014. Vol. 18. No. 1. P. 51–81. DOI: 10.1515/lingty-2014-0003.
- Forker 2020 — D. Forker. *A Grammar of Sanzhi Dargwa*. (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press, 2020. DOI: 10.5281/zenodo.3339225.
- Ganenkov et. al. 2009 — D. S. Ganenkov, T. A. Maisak, S. R. Merdanova. *Diskursivnaya anafora v agul'skom yazyke* [Discursive anaphora in Agul]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Available at: http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Ganenkov_etal.pdf (accessed on 24.02.2022).

- Ganenkov, Bogomolova 2020 — D. Ganenkov, N. Bogomolova. Binding and Indexicality in the Caucasus. M. Polinsky (ed.). *The Oxford Handbook of Languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 873–907. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190690694.013.27.
- Gasanova 1971 — S. M. Gasanova. *Ocherki darginskoy dialektologii* [Essays on Dargin dialectology]. Makhachkala: Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Institute of History, Language and Literature, 1971.
- Heim et al. 1991a — I. Heim, H. Lasnik, R. May. Reciprocity and Plurality. *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. No. 1. P. 63–101.
- Heim et al. 1992b — I. Heim, H. Lasnik, R. May. On “Reciprocal Scope”. *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. No. 1. P. 173–192.
- Kibrik, Bogdanova 1995 — A. E. Kibrik, E. A. Bogdanova. *Sam* kak operator korrektsii ozhidaniy adresata [*Sam* as addressee’s expectations correction operator]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1995. No. 3. P. 28–47.
- Kibrik 1997 — A. Kibrik. Beyond Subject and Object: Toward a Comprehensive Relational Typology. *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. No. 3. P. 279–346. DOI: 10.1515/lity.1997.1.3.279.
- Kiparsky 2012 — P. Kiparsky. Greek Anaphora in Cross-Linguistic Perspective. *Journal of Greek Linguistics*. 2012. Vol. 12. No. 1. P. 84–117. DOI: 10.1163/156658412X649977.
- Koryakov 2021 — Yu. B. Koryakov. Darginskie yazyki i ikh klassifikatsiya [Dargin languages and their classification]. T. A. Maisak, N. R. Sumbatova, Ya. G. Testelet (eds.). *Durkhasi khazna. Sbornik statey k 60-letiyu R. O. Mutalova* [Collection of articles for the 60th anniversary of R. O. Mutalov]. Moscow: Buki Vedi, 2021. P. 139–154.
- König, Siemund 2000 — E. König, P. Siemund. Intensifiers and reflexives: A typological perspective. Z. Frajzyngier, T. Curl (eds.). *Reflexives. Forms and Functions*. (Typological Studies in Language 40). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2000. P. 41–74. DOI: 10.1075/tsl.40.03kon.
- Lyutikova 2002 — E. A. Lyutikova. *Kognitivnaya tipologiya: refleksivny i intensifikatsionnyye znacheniya* [Cognitive typology: reflexives and intensifiers]. Moscow: Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2002.
- Lyutikova 2001 — E. A. Lyutikova. Anaforicheskiye sredstva [Anaphoric means]. A. E. Kibrik (ed.). *Bagvalinskiy yazyk: grammatika, teksty, slovari* [Bagvalal language: grammar, texts, dictionaries]. Moscow: Naslediye, 2001. P. 615–681.
- Nichols 2001 — J. Nichols. Long-distance Reflexivization in Chechen and Ingush. P. Cole, G. Hermon, C.-T. J. Huang (eds.). *Long Distance Reflexives*. (Syntax and Semantics 33). San Diego, CA: Academic Press, 2001. P. 255–278. DOI: 10.1108/S0092-4563(2000)0000033010.

- Reinhart, Reuland 1993 — T. Reinhart, E. Reuland. Reflexivity. *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 657–720.
- Reinhart 1983 — T. Reinhart. *Anaphora and Semantic Interpretation*. London: Croom Helm, 1983.
- Reuland 2011 — E. Reuland. *Anaphora and Language Design*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2011.
- Rudnev 2011 — P. V. Rudnev. Refleksivny v dagestanskikh yazykakh i priroda anaforicheskikh otnosheniy [Reflexives in Daghestanian languages and the nature of anaphoric relations]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2011. Vol. 8. Pt. 3. P. 184–188.
- Sells 1987 — P. Sells. Aspects of Logophoricity. *Linguistic Inquiry*. 1987. Vol. 18. P. 445–479.
- Sumbatova, Mutalov 2000 — N. Sumbatova, R. Mutalov. *A Grammar of Içari Dargwa*. München: Lincom Europa, 2000.
- Sumbatova, Lander 2014 — N. R. Sumbatova, Yu. A. Lander. *Darginskiy govor seleniya Tanty: grammaticheskiy ocherk, voprosy sintaksisa* [Dargin dialect of the village of Tanty: Grammar sketch, syntax issues]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014.
- Sumbatova 2016 — N. Sumbatova. *Reflexive Pronouns in Tanti Dargwa*. Presentation at Workshop on Nakh-Daghestanian languages, University of Bamberg. Bamberg. April 15–16, 2016.
- Testeleets, Toldova 1998 — Ya. G. Testeleets, S. Yu. Toldova. Refleksivnyye mestoimeniya v dagestanskikh yazykakh i tipologiya refleksiva [Reflexive pronouns in the Daghestanian languages and the Typology of the Reflexive]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1998. No. 4. P. 35–57.
- Toldova 1999 — S. Yu. Toldova. Mestoimennyye sredstva podderzhaniya referentsii [Pronominal Means of Maintaining Reference]. A. E. Kibrik, Ya. G. Testeleets (eds.). *Yelementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of Tsakhur in Typological Perspective]. Moscow: Naslediye, 1999. P. 629–674.
- Truswell 2014 — R. Truswell. Binding Theory. A. Carnie, Y. Sato, D. Siddiqi (eds.). *The Routledge Handbook of Syntax*. London: Routledge, 2014. P. 232–256. DOI: 10.4324/9781315796604.ch11.